

Н. Русова, В. Шевцов

«Ленинград»

Это пронзительное стихотворение связано со вполне конкретным событием из жизни Мандельштама — с его возвращением в Ленинград 1930 года после путешествия по Кавказу. В то время поэту не было и сорока, но в силу болезней и связанных с судьбой страны превратностей биографии (как мы знаем, они были только преддверием его будущих бедствий) он уже выглядел стариком. Отсюда — надрывное восклицание: «Петербург! я еще не хочу умирать...» За этими словами видится отчаянная попытка противостоять страшным жизненным реалиям, которые уже начали стискивать Ленинград железным кольцом духовного (и физического) удушья, кольцом унижений и репрессий.

Лирический герой стихотворения заново встречается с тем городом, где он состоялся как человек и художник, где жили его друзья, со многими из которых встретиться уже не суждено (одни, как Гумилев, погибли, другие оказались в эмиграции). Поэт чувствует свою кровную, физическую связь с городом («до прожилок, до детских припухлых желез»). Это связь с культурным (в том числе архитектурным) пространством города («рыбий жир ленинградских речных фонарей»), с его своеобразным природным ландшафтом («декабрьский денек»: «желток» в следующей строчке является метафорой солнца, а «зловещий деготь» — тусклого пасмурного неба с устремленным туда дымом фабричных труб), но прежде всего — с людьми, населявшими и населяющими город («...у меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса»). Такая связь может быть разорвана только насильственно, теми «дорогими гостями», которые приходят ночью, без приглашения, с мясом вырывают дверной звонок, и последствия их прихода вполне сравнимы со смертельным выстрелом в висок. Такая интерпретация образа «гостей» поддерживается нарастающим ощущением тревоги, опасности, гибели, которое коренится в метафорическом строе стихотворения — от «голосов мертвецов» до «кандалов» дверных цепочек.

Образная структура стихотворения непроста и не поддается однозначной расшифровке. Мандельштаму вообще было свойственно влечение к усложненной образности. Он прекрасно ощущал тайну поэтического слова и сознательно предоставлял читателю возможность неоднозначного прочтения своих стихов. Слово не только обозначает какой-то реальный предмет или действие, но и вызывает в сознании бесконечный поток ассоциаций. Таков «рыбий жир» речных фонарей. За этой метафорой стоит и ощущение целительности ленинградского пейзажа, и память о детских болезнях, и стремление передать тусклый свет ночного фонаря, и еще что-то неуловимое, не поддающееся пересказу. «Черная лестница», где живет герой, это не только выход на двор, но и деталь, которая, если вспомнить многозначность прилагательного «черный», приобретает символическое значение. Натуралистическое определение звонка, «вырванного с мясом», невольно приводит на ум разрушительное действие выстрела, а здесь к тому же рядом стоит словосочетание «ударяет в висок». Напомним также выразительную метафору «кандалы» по отношению к дверным цепочкам. Значение подобных образов заключено в сумме тех ассоциативных представлений, которые встают перед читателем.

Перед нами лирический монолог, причем во втором и третьем двустишиях герой явно обращается к себе самому; этот монолог в середине стихотворения перебивается взволнованными обращениями к Петербургу. Обратим внимание, что даже с названием города не всё ясно: «Петербург» он или все-таки «Ленинград»? Отсутствие у объекта закреплённого имени подразумевает и отсутствие у него четкой внутренней доминанты,

ведущее к неопределенности, хаотичности его организации. Может быть, Мандельштам имел в виду именно эти качества «города трех революций»?

Завораживающий ритм четырехстопного анапеста и врезающиеся в сознание парные мужские рифмы (среди которых отметим одну неточную: «умирать» — «номера») вовлекают нас в необычный мир стихотворения с не меньшей силой, чем искусная вязь метафорических образов.